

THE WORK OF FUNERAL TEAMS IN THE LIBERATED TERRITORY (FOR EXAMPLE 39th ARMEE)

Abstract. The article is devoted to the work of the funeral teams of the 39th army in 1943 in the territory recently abandoned by the enemy. where there were fierce battles during the Rzhev battle. Particular attention is paid to the real state of affairs with the burial of fallen soldiers.

Keywords: Great Patriotic war, World War II, the burial of fallen soldiers, funeral teams, the loss of the Red Army, 39th army, Rzhev battle.

УДК 947.084

Т.Н. Жуковская

СТУДЕНТЫ И ПРЕПОДАВАТЕЛИ ЛГУ В БИТВЕ ЗА ЛЕНИНГРАД (август – сентябрь 1941 г.)

Аннотация. Статья посвящена малоизвестным страницам истории обороны Ленинграда – участию в Народном ополчении студентов и преподавателей Ленинградского государственного университета (ЛГУ). На материалах Центрального архива Министерства обороны и военных мемуаров универсантов рассмотрена история формирования батальонов ЛАНО, их состав и судьба во время сентябрьских боев 1941 г.

Ключевые слова: Ленинградский университет, память о Великой Отечественной войне, народное ополчение, Книга памяти погибших.

За 75 лет, прошедших после Великой Отечественной войны, накопилась обширная литература о том, как переживало величайшие испытания университетское сообщество, в том числе ЛГУ. Изданы воспоминания студентов-фронтовиков и тех, кто вынес блокаду и эвакуацию, подготовлены десятки статей и документальных публикаций, восстановлены и занесены в «Книги памяти» сотни имен

универсантов, погибших и пропавших без вести на фронтах, умерших в блокаду [2; 3; 6]. Погружение в этот материал высвечивает повторяемость одних и тех же «знаковых» сюжетов, имен, фактов и в то же время порождает мысль о том, что это далеко не вся война, которую мы знаем. Фактическая хроника жизни «сражающегося университета» никогда не будет исчерпывающей, поскольку даже архивы (военные, городские, университетские) хранят далеко не все документы того времени. В воспоминаниях аспирантки исторического факультета ЛГУ Т.В. Старостиной упоминается о том, как в ленинградском горкоме и райкомах комсомола (и, конечно, в партийных организациях) в критические для города сентябрьские дни 1941 г. жгли архивы [3, с. 129].

Человеческая память способна хранить то, что не сохранилось в архивах, но только в том случае, если есть, кому вспоминать. Многие из погибших в войне молодых людей не успели создать семьи, родить детей, которые бы их помнили через десятилетия. Щемящие строки из песни А. Эшпая «Москвичи»: «Сережка с Малой Бронной и Витька с Моховой» – это и о студентах-ленинградцах, добровольцах, необученных и плохо вооруженных ополченцах, которые погибли в первые месяцы войны, на дальних и ближних подступах к Ленинграду. Многие из них ушли на фронт в составе дивизий ЛАНО – Ленинградской армии народного ополчения, и весь фронтовой путь их состоял из одного боя, первого и последнего, под Лугой, Красногвардейском или Петергофом... Память о них, как могли, постарались сохранить их товарищи по университету.

Память о войне все чаще становится объектом политических манипуляций. Поэтому очень важны исследования механизмов историзации индивидуальной памяти, формирования коллективной памяти групп и сообществ на материале Второй мировой войны [5]. Таким уникальным сообществом являлся ЛГУ с его профессорами, студентами, администраторами, вахтерами. Вчерашние студенты сохранили чувство университетского единства на фронте, а вернувшись в мирную жизнь, осознали себя участниками величайшего трагического события века, творцами истории, что закономерно вызвало у молодых ветеранов желание увековечить эти события. Этот порыв вписывался в общегородское движение по меморизации бло-

кады и обороны Ленинграда, начавшееся в 1944 г. и выразившееся в создании Мемориального музея обороны и блокады Ленинграда.

По приказу ректора А.А. Вознесенского весной 1947 г. в ЛГУ была создана Общеуниверситетская комиссия по истории войны, мобилизовавшая весь университет на мемориальную работу. Универсанты смогли менее чем за два года восстановить имена погибших, составив списки по факультетам, создать уникальный архив военных документов из автобиографий, интервью с фронтовиками, воспоминаний, фотографий, газетных материалов, личных вещей, писем с фронта. ЛГУ провел за это время серию научных конференций («слетов фронтовиков»), в которых каждое выступление было попыткой отразить военный опыт. Из этих материалов сложился обширный фонд Великой Отечественной войны Музея истории СПбГУ, положивший начало самому музею. Эти архивы были бы много богаче, если бы не «Ленинградское дело», прекратившее кампанию народной меморизации войны и блокады, жертвами его стали многие профессора-блокадники и сам А.А. Вознесенский.

Первые почти исключительно устные свидетельства о погибших товарищах, сообщенные в Комитет комсомола, а позже Общеуниверситетскую комиссию, говорят о том, что в августе-сентябре 1941 г. в боях на ближних подступах к Ленинграду универсанты погибали массово, целыми студенческими группами. Данные об этой странице войны вообще приходится собирать по крупицам: воспоминаниям немногих выживших, спискам погибших, обрывкам делопроизводства временных подразделений ЛАНО, которые были перемолоты через несколько дней после своего выхода на боевой рубеж. Это делопроизводство 276-го, 267-го, 268-го артиллерийско-пулеметных батальонов (артпульбатов) Василеостровской дивизии ЛАНО, которое сохранилось в Центральном архиве Министерства обороны РФ.

В связи с военной страницей истории университета открывается совершенно недостаточно изученная страница битвы за Ленинград.

Еще 4–5 июля, сразу после досрочной сдачи экзаменов IV курсом, универсанты массово стали записываться в ополчение. В фонде 13 с.д., стоявшей более года на Пулковском рубеже (бывшей 3-й

гвардейской дивизии ЛАНО), сохранились заявления добровольцев и их списки. Среди добровольцев были люди всех возрастов и профессий, даже самых мирных. В одном из заявлений говорилось: «Прошу зачислить добровольцем. Невоеннообязанная. Еврейка. Профессия – секретарь-машинистка». В этом списке есть и имена студентов и преподавателей ЛГУ, откуда в ополчение ушло более 700 человек (200 членов и кандидатов в члены РКП(б) и 500 комсомольцев). Из молодежи были сформированы так называемые отдельные пулеметно-артиллерийские батальоны (ОПАБы), приданные 3-й, 4-й и 5-й (Василеостровской) стрелковым дивизиям ЛАНО (278-й, 277-й, 276-й, 268-й, 267-й, 291-й). Батальоны были укомплектованы студентами ЛГУ, Кораблестроительного и Горного институтов, ЛГПИ им. Герцена, сотрудниками академических учреждений, рабочими заводов им. Козицкого и им. Калинина, табачной фабрики им. Урицкого, других предприятий. Ополченцам со дня записи начислялось ежедневное денежное довольствие: 70 руб. для комиссара батальона, 50 руб. для командира или помощника командира роты и взвода, 30 руб. для красноармейца, 20 руб. для санинструктора или повозочного (ЦАМО РФ. Ф. 276 ОПАБ. Оп. 207739. Д. 1.). Сохранились «раздаточные ведомости» на выдачу денежного содержания, по которым можно установить списочный состав батальона и, соответственно, имена студентов и преподавателей ЛГУ в его составе. В свое время это позволило собрать для «Книги памяти» сведения о том, где и когда примерно погибли универсанты, числившиеся пропавшими без вести многие десятилетия.

Запись в ополчение продолжалась до конца июля. Студенты и преподаватели были распределены по нескольким ОПАБ и в начале августа выдвинулись в места дислокации. Больше всего студентов и преподавателей ЛГУ было в 270-м, 277-м и 276-м артпульбатах, входивших в Василеостровскую и Куйбышевскую дивизии народного ополчения. Причем в 276-м ОПАБ, который сражался в Красногвардейском укрепрайоне, оказалось много студентов и преподавателей гуманитарных факультетов ЛГУ, не имевших почти никакой военной подготовки. Внутри делопроизводства батальона есть некоторые дополнительные сведения о его бойцах: «Справка. Дана настоящая гр. Юдзон Н.Ф. в том, что он действительно состоял студентом исторического факультета Лен.Гос.университета.

Учебный план выполнил 21 июля. Стипендии не получал и не получает в наст. время. Зам. декана ист. факультета...» (ЦАМО РФ. Ф. 276 ОПАБ. Оп. 207739. Д. 1. Л. 81). Н.Ф. Юдзон был назначен помощником политрука роты. В том же батальоне оказались его сокурсники К.Я. Каспаров, И.З. Сморгон, Л.И. Маньков, М.К. Кугель, Е.И. Маркон, доцент-этнограф Г.Д. Вербов, доцент международных отношений Х.И. Муратов, назначенный командиром взвода, а также химик И.И. Толстой, математик П.П. Андронов и многие др. Командовал батальоном Михаил Петрович Заломир, 1908 г.р., беспартийный, кадровый военный, преподаватель тактики (ЦАМО РФ. Ф. 276 ОПАБ. Оп. 767223. Л. 6). Батальонным комиссаром 276-го ОПАБ был назначен Николай Петрович Троян, преподаватель марксистской философии ЛГУ, состоявший в кадровом резерве РККА и имевший военную подготовку (ЦАМО РФ. Ф. 276 ОПАБ. Оп. 207739. Д. 1. Л. 129 об.). Списки личного состава 276-го ОПАБ сохранились в ЦАМО РФ. В списках преобладают фамилии историков, филологов, философов, экономистов. В других батальонах (264-м, 267-м, 268-м, 277-м) также было немало универсантов (ЦАМО РФ. Ф. 276 ОПАБ. Оп. 207739. Д. 1 (Списки личного состава); Оп. 767223. Д. 1; 267 ОПАБ. Оп. 23418. Д. 3; Ф. 268 ОПАБ. Оп. 15227с. Д. 2, 4).

276-й ОПАБ формировался с 4 по 18 июля в Главном здании ЛГУ, знаменитых Двенадцати коллегиях, окна первого этажа здания уже были заложены кирпичом, а выход в сторону Невы был превращен в пулеметную точку. В составе батальона было более 400 бойцов, четыре артиллерийско-пулеметные роты, каждая состояла из 4–5 взводов и двух противотанковых отделений по семь человек. На взвод из 12 человек полагалось одно легкое орудие и один пулемет. Каждому батальону придавались прожекторная станция, радиотелеграфная станция, взвод боепитания, взвод управления, саперный взвод, санитарно-обмывочный пункт, пункт медпомощи с зубным врачом и клуб. Хотелось думать, что боевые действия начнутся не скоро, а до этого момента предстоит веселая лагерная жизнь, подобная летним маневрам XIX в. в Красном Селе...

18 июля по завершении формирования батальон совершил переход в Красное Село. По свидетельству участников событий, за время пребывания в Красном Селе до выхода на боевой рубеж ополченцам удалось провести не более 2–3 стрельб из боевых винтовок,

во время которых каждому бойцу удалось сделать не более пяти выстрелов [7, с. 7–12].

В местах дислокации частей ополчения были сооружены ДОТы, линии укреплений на ходу достраивались самими ополченцами по прибытии на место.

24 августа Красная армия после тяжелых боев оставила Лугу, затем была потеряна узловая станция Мга. Еще 20 августа был произведен мощный артобстрел всего Красногвардейского укрепрайона. 25 августа для поднятия боевого духа частей в Гатчину (Красногвардейск) приехал К.Е. Ворошилов.

Первые столкновения ополченческих частей с фашистской армией начались 25–27 августа [4, с. 7–12]. 8 сентября был захвачен Шлиссельбург, что фактически означало окружение города. Но бои на ближних подступах юго-западного направления становились все яростнее. 8–10 сентября немцы прорвали фронт 42-й армии, защищавшей южные подступы к Ленинграду. Так ополченцы оказались в первой линии обороны.

276-й артпульбат в составе 5-й дивизии ЛАНО в первых числах сентября занял центральный сектор Красногвардейского укрепрайона между Скворицами и Пендолово, 277-й ОПАБ прикрывал направление Ропша – Разбегаево, 291-й – Пушкинский укрепрайон, 264-й – Петергофский укрепрайон с деревнями Сашино и Марьино. Последний назвать «укрепленным» было вообще сложно. Линия обороны здесь проходила между Старым и Новым Петергофом, по берегу Английского пруда. Тем не менее ее удерживали несколько дней (20–23 сентября). О жестокости боев и сегодня напоминают руины полностью разрушенного Английского дворца, которые стали памятником обороны.

10–11 сентября немцы были уже на окраинах Красногвардейска и Пушкина, вышли к Финскому заливу западнее Ораниенбаума, 12 сентября захватили Красное Село. В ночь с 12 на 13 сентября 4-я стрелковая дивизия ЛАНО вышла в район Пулковки и сразу же вступила в бой. 3-я стрелковая дивизия ополчения сражалась за Петергоф, Ропшу, Володарскую. 5-я дивизия также защищала Петергоф, Константиновку, Пулковские высоты.

276-й артпульбат, оборонявший 5-километровый участок фронта, 10 сентября был атакован немецкими танками, стремившимися

выйти к Красносельскому шоссе и железной дороге. Батальону пришлось отойти от ст. Пудость и д. Б. Рейзино, теряя бойцов. Весь день 11 сентября прошел в отражении атак танков и пехоты. В ночь с 11 на 12 сентября батальон был разрезан на три части и частично окружен, последние часы боя шли уже в пределах Гатчины, на территории санатория «Тайцы», погибли командир и комиссар батальона [7, с. 121]. Остатки батальона во второй половине дня 12 сентября, отходя, прикрывали узкий простреливаемый коридор в сторону Павловска, который соединял Красногвардейский укрепрайон с тылом. Через четыре дня «коридор» был ликвидирован, Павловск взят немцами, а 276-й ОПАБ, как и другие ополченческие батальоны, был окончательно рассеян и почти истреблен.

О действиях у д. Разбегаево 20–22 сентября 277-го ОПАБ, также включавшего студентов ЛГУ, сохранились воспоминания ополченцев В.И. Демина и В.А. Золотавина, опубликованные нами несколько лет назад [3, с. 31–42]. Они рисуют картину непрерывного хаотического боя. Нам удалось также записать устные воспоминания бывшего ополченца, профессора-экономиста В.С. Торкановского.

Как складывалась в этой мясорубке судьба каждого из вчерашних студентов, можно только догадываться. На некоторых участках фронта батальоны ополченцев смогли продержаться до трех дней против моторизованных частей группы армий фон Лееба. 19–21 сентября немецкое командование принимает решение остановить наступление и заблокировать Ленинград.

Родные многих из ополченцев не смогли получить никаких сведений о месте и времени их гибели. Так, Натан Фаддевич Юдзон, историк, только что с отличием окончивший университет, скорее всего, погиб 10–12 сентября 1941 г. под Красногвардейском [2, вып. 1, с. 338–339]. В официальном извещении, которое по запросу получили родные спустя семь лет, было указано, что он пропал без вести в сентябре 1943 (!) г. Это записано и в «карточке погибшего», которая хранится в ЦАМО. Его старший брат Иосиф всю жизнь пытался найти хоть какие-то свидетельства о его гибели, но так и не нашел. Юдзон-старший переписывался с ополченцами, оставшимися в живых. В 1978 г. И.А. Евлахов, один из авторов книги о боях на ближних подступах к Ленинграду, бывший в сентябре 1941 г. инженером и налаживавший связь между батальонами, писал ему о том,

что 276-й, 277-й и 270-й ОПАБы были «разбиты и окружены. Николай Архипович Прохоров, вожак Совета ветеранов 267 батальона говорит, что к ним в разное время заявлялись 2–3 человека от 276 и 270 батальонов, и это все... Чуть ли не наполовину 276 батальон состоял из студентов, аспирантов и преподавателей университета. Что бы ни было, обстановка в начале войны была такова, что все три батальона дрались так самоотверженно и героически (я тому свидетель), что героями-ополченцами ЛГУ можно гордиться» [3, с. 11].

Демин В.И. в своих воспоминаниях называет имена многих товарищей, бойцов другого, 277-го ОПАБ, сражавшегося у развилки дорог за д. Разбегаево. Это ставит перед университетскими историками вопрос о размерах потерь, понесенных университетом, тем более что официальная статистика о потерях ополченцев отсутствует.

Известно, что в девяти батальонах народного ополчения, находившихся в составе 3-й и 5-й гвардейских стрелковых дивизий ЛАНУ, по документам насчитывалось до 700 добровольцев-универсантов [1, с. 20]. Общее же число универсантов, вступивших в ополчение, простиралось до 1,5 тыс., однако значительная часть их, как правило, имевших военную подготовку, в первые же недели формирования ЛАНУ, еще в июле, была распределена в военные училища, на ускоренные курсы подготовки военных специалистов, влита в кадровые части, уже сражавшиеся на фронтах. Некоторые из числа пожилых профессоров были возвращены в университет. При этом мемуаристы-универсанты (М.П. Хомонов, С.В. Солдатенков) свидетельствуют о том, как нерасчетливо, небрежно относилось командование к этому уникальному человеческому материалу: когда уже подготовленные на курсах артиллеристы из числа студентов бросались «в прорыв» рядовыми-пехотинцами, когда в одном подразделении на передовой почти все, включая рядовых, оказывались людьми с высшим образованием...

В 1970–80-е гг. ветераны-ополченцы разных батальонов пытались создать связную историю обороны на ближних рубежах. Действовали советы ветеранов этих подразделений, происходили встречи, издавались книги. На каждом факультете ЛГУ существовали Комнаты боевой славы, накопившие огромные коллекции сведений, действовали группы «Поиск». Живые формы коммеморации военных событий и восстановления имен погибших давно

прошли. Поисковым отрядам (среди которых и поисковый отряд СПбГУ «Ингрия» под руководством Е.В. Ильина) удастся восстановить имена едва ли 2 % поднятых поисковиками бойцов: кого по медальону, кого по медали или алюминиевой ложке с фамилией. Ополченцы по-прежнему остаются для нас безымянными: у них не было медальонов, а списки потерь батальонов вообще отрывочны, обнаружены в фонде одного из них и составлены только на первом этапе боев (ЦАМО РФ. Ф. 267-го ОПАБ. Оп. 23415с. Д. 11: Списки безвозвратных потерь батальона и пропавших без вести при переходе на новый рубеж из Красногвардейска; там же. Д. 12).

В СПбГУ существует собственная «Книги памяти», изданная в двух выпусках, но этот проект нельзя считать завершенным, поскольку из 2500 тыс. универсантов, ушедших на фронт, погибли более половины (точной цифры никто не назовет). Многие погибли под бомбами, от голода в блокадном Ленинграде и по пути в эвакуацию. Более или менее развернутые биографии на сегодняшний день получили около 850 погибших, имена еще 250 известны. Имен многих и многих погибших из числа довоенных студентов уже не установить, поскольку они могли «порвать отношения с университетом» в блокадную зиму, досрочно сдать экзамены, поступить в военное училище в первые недели войны, не оставив о себе известий в университетском отделе кадров и Комитете комсомола. На май 1941 г. в университете числилось 7987 студентов и аспирантов, 1173 профессора, преподавателя и лаборанта [2, вып. 2, с. 3]. Не менее 2/3 студентов-мужчин оказались на фронте в первый же год войны. Среди этой группы потери были еще выше, чем в целом по университету. Известна общая статистика по годам призыва: из людей 1919–1923 гг. рождения, ушедших на фронт в 1941 г., в живых осталось менее 5 %. Это как раз возраст студентов 1–4 курсов ЛГУ, учившихся в 1941 г.

Судьба ополченцев была особенно трагична, хотя некоторые после боя, в котором перестали существовать их подразделения, смогли вернуться в город, как историк Д.Н. Альшиц, чтобы потом снова быть мобилизованными. Многие фронтовики и блокадники после войны по жизненным обстоятельствам или условиям службы не смогли восстановиться в университете, как упоминавшийся выше историк В.И. Демин, закончивший войну офицером-артиллеристом. Таким образом, проблема создания полного мартиролога погибших

на фронте и ревизии людских потерь университета во время Великой Отечественной войны не закрыта и вряд ли будет закрыта когда-либо. У Ленинградского – Петербургского университета к этой войне свой особый счет.

Героическая страница участия в защите Ленинграда плохо вооруженных ополченцев-студентов по-прежнему заслуживает более развернутого отражения в истории города и университета. При этом университетское сообщество и его память – субстанции настолько плотные, что совершенно случайно, в ленте Фейсбука 9 мая можно выяснить, что дед твоей коллеги по факультету – один из тех мальчиков, убитых где-то под Красногвардейском или Ропшей, о котором в университетском мартирологе до сих пор недостает сведений. Общим памятником сотням погибших питомцев ЛГУ, известных и неизвестных, остается скульптура «В бессмертие ушедшим...», открытая в 1986 г. во внутреннем дворе Двенадцати коллегий.

Источники и литература

1. *Беляев С., Кузнецов П.* Народное ополчение Ленинграда. – Л., 1959.
2. Книга Памяти Ленинградского – Санкт-Петербургского университета. 1941–1945. Сб. документов. – СПб., вып. I. 1995; вып. II. 2000.
3. «Мы знаем, что значит война...»: Воспоминания, письма, дневники универсантов военных лет. – СПб., 2010.
4. На ближних подступах к Ленинграду: Гатчина (Красногвардейск) в годы Великой Отечественной войны. – Л., 1986.
5. Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. [Сб. статей]. – М., 2005.
6. *Соболев Г.Л.* Ленинград в борьбе за выживание в Блокаде. Кн. 1. – СПб., 2013.
7. Цитадель под Ленинградом: Гатчина в годы Великой Отечественной войны. Сб. ст. – Л., 1992.

T.N. Zhukovskaya

LSU STUDENTS AND TEACHERS IN THE BATTLE FOR LENINGRAD (August – September 1941)

Abstract. The article is devoted to the little-known pages of the history of the defense of Leningrad – the participation of students and

teachers of Leningrad State University in the People's Militia. Based on the materials of the Central Archive of the Ministry of Defense and military memoirs of university students, the history of the formation of LANO battalions, their composition and fate during the September battles of 1941 is considered.

Keywords: University of Leningrad, memory of the Great Patriotic War, People's Militia, Book of Remembrance of the Dead.

УДК 66»1941/45(470.57)

Р.М. Зиязетдинов

НЕФТЕДОБЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ БАШКИРСКОЙ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Статья отражает перестройку нефтедобывающей промышленности на военный лад, борьбу нефтяников Башкирии за увеличение добычи «черного золота», их трудовой героизм. Подчеркнуто значение «Второго Баку», в том числе БАССР, в обеспечении фронта нефтепродуктами, особенно во второй половине 1942 г.

Ключевые слова: «Второе Баку», добыча нефти, нефтяники, месторождение нефти, скважина, девонская нефть.

Создание между Волгой и Уралом нового нефтяного района еще в довоенные годы является крупным достижением советского государства. Впервые началась добыча нефти в середине страны, имеющей важное стратегическое значение. Не случайно молодой нефтяной регион получил название «Второе Баку»¹. Как известно, Азербайджанская ССР долгие годы являлась основным нефтедобывающим районом союзного государства.

Огромные усилия партии и государства по созданию предприятий нефтедобычи и нефтепереработки на Урале и в Поволжье вполне себя оправдали в годы Великой Отечественной войны.

¹ В состав «Второго Баку» входили Башкирская АССР, Татарская АССР, Куйбышевская (ныне – Самарская), Молотовская (ныне – Пермский край), Чкаловская (ныне – Оренбургская) области.